

## МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

### О СТИХОТВОРЕНИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА “ТЫ УЛЫБАЕШЬСЯ КОМУ...”

© 2015 г. Д. В. Фролов

Корпус стихов 1909–1910 годов, приложенных к письмам Вячеславу Иванову и другим адресатам, в который входит рассматриваемое произведение, открывает для нас творческую лабораторию молодого поэта в период выработки им своего стиля и метода сразу после и под влиянием лекций Вяч. Иванова на Башне весной 1909 года. Автор анализирует подтексты стихотворения и устанавливает ранее не отмеченную связь его с книгой Иванова “По звездам”, мнение о которой Мандельштам высказывает в письме, к которому приложено стихотворение. Автор также выдвигает предположение, что именно этот поэтический отклик на книгу мог стать одной из причин охлаждения взаимоотношений между двумя поэтами.

The analyzed poem belongs to the corpus of Mandelstam's poems, which were attached to the letters sent to Vyacheslav Ivanov and other correspondents during years 1909–1910. These texts give us a key to the creative process of the young poet in the period when he was working out his style and method immediately after and under the influence of lectures which Vyacheslav Ivanov delivered at his “Tower” in the spring of 1909. The author deals with subtexts and poetic allusions of the poem and establishes its hitherto unnoticed relation to the book of Ivanov *Along the Stars* discussed by Mandelstam in the letter to which the poem is attached. The author also supposes that this poetic response to the book might have caused alienation between the two poets.

*Ключевые слова:* Вячеслав Иванов, подтексты, “По звездам”, зеленеющие долины

*Key words:* Vyacheslav Ivanov, subtexts, “Across the Stars”, verdant valleys.

Рассматриваемое стихотворение является вторым из трех стихотворений, которые поэт приложил к письму Вячеславу Иванову от 13(26) августа 1909 г., см. [1, с. 206–207]. Вот оно:

Ты улыбаешься кому,  
О, путешественник веселый?  
Тебе неведомые доли  
Благословляешь почему?  
Никто тебя не проведет  
По зеленеющим долинам,  
И рокотаньем соловьиным  
Никто тебя не позовет, –  
Когда, закутанный плащом,  
Не согревающим, но милым,  
К повелевающим светилам  
Смирным возлетишь лучом.  
«Не позднее 13 августа». 1909

М.Л. Гаспаров очень кратко определяет тему стихотворения: “Путник радуется миру, но помнит, что путь его – только к смерти”<sup>1</sup>. С этого точного и емкого определения можно начать более детальный разбор произведения. Начнем с вопро-

сов. О каких именно долах идет речь в тексте? Почему они неведомые? Судя по всему, слово это очень важное в его смысловой ткани, поскольку оно повторено дважды: долы – долины<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Сама эта лексема в обоих вариантах не очень частотна в стихах Мандельштама, особенно ранних, тем более значим ее повтор в одном стихотворении. Вариант “дол” встречается еще только один раз, в переводе Петрарки 1934 года: “Дол, полный клятв и шопотов каленых”. Вариант “долина” более частотен, ср. “И начинается ветер грубый / В наивные долины дуть” (“На влажный камень возведенный...” (1909), “И римской ржавчиной окрасилась долина” (“С веселым ржанием пасутся табуны...” (1915), “Колочая речь араратской долины...” (1930). Все эти контексты – “географически-этнографические” (античный мир, Армения). Однако один контекст 1931 года подтверждает нашу интерпретацию, перекликаясь с употреблением в рассматриваемом тексте. В стихотворении “Канцона” и его варианте с условным названием “География” есть такие строки: “Я покину край гипербореев, / Чтобы зреньем написать судьбы развязку, / Я скажу “селá” начальнику евреев / За его малиновую ласку. // Край небритых гор еще неясен, / Мелколесья колется щетина, / И свежа, как вымытая басня, / До оскомины зеленая долина”. Жирным шрифтом мы выделили те слова, которые однозначно показывают, что в этом фрагменте, да и во всем стихотворении речь идет о конце времени, о “развязке судьбы”, где еще неясно проступает “зеленая долина”, образ которой уже набил “оскомину”. Вот как удивительно аукнулся образ “зеленеющей долины” более чем через двадцать лет.

<sup>1</sup> См. комментарий Гаспарова [2, с. 607]. Ср. Д. Сегал: «Заметим, что в стихотворении “Ты улыбаешься кому...” центральный организующий сюжетный мотив – это мотив смерти и посмертной судьбы души, возвращающейся назад к породившим ее звездам» [3, с. 51].

Можно предположить, что образ дола/долины в обоих случаях значит одно и то же. Тогда речь идет не о каких-то новых странах и пейзажах, которые путешественнику еще только предстоит пройти на своем пути, а о зеленеющих долинах, которые могут ожидать человека тогда, когда он “возлетит смиренным лучом к повелевающим светилам”, то есть после смерти. В таком случае это, скорее всего, сады Эдема, райские кущи. “Путь” как образ жизненного пути человека<sup>3</sup>, “плащ” как образ телесной оболочки, которая привычна и мила человеку, хотя и не согревает<sup>4</sup>, вполне созвучны основной теме стихотворения.

В таком случае, к кому обращен недоуменный вопрос в зачине? Получается, что к тому, кто полагает, что после смерти некто его позовет и проведет в зеленеющие долины, кто благословляет эту будущую жизнь. Поэт дает четкий и ясный ответ: ничего этого не будет. Не забудем, что автор этих строк – восемнадцатилетний юноша, который уже давно отошел от веры предков и еще не пришел к вере снова. Это еще впереди. За год с небольшим до этого он писал своему учителю Вл. В. Гиппиусу из Парижа: «Мое религиозное сознание никогда не поднималось выше Кнута Гамсуна и поклонение “Пану”, т.е. несознанному Богу, и поныне является моей “религией”. (О, успокойтесь, это не “мэонизм”<sup>5</sup>, и вообще с Минским я не имею

ничего общего)»<sup>6</sup>. Характеризуя себя как “воспитанного в безрелигиозной среде (семья и школа)”, Мандельштам так определяет свои отношения с учителем: «И вы простите мне мою смелость, если я скажу, что вы были для меня тем, что некоторые называют: “друго-врагом”... я всегда видел в вас представителя какого-то дорогого и вместе враждебного начала, причем двойственность этого начала составляла даже его прелесть. Теперь для меня ясно, что это начало не что иное, как религиозная культура, не знаю христианская ли, но во всяком случае религиозная»<sup>7</sup>.

Возникает ощущение, что рассматриваемое стихотворение как-то вписано во внутренний диалог (или полемику) с неназванным представителем этого начала.

Разбору данного стихотворения уделяет довольно много внимания Д. Сегал [3, с. 43–51]. Он помещает его в контекст выстраиваемого им полемического диалога Мандельштама с Тютчевым. Отправной точкой является тютчевское стихотворение:

*Est in arundineis modulatio musica ripis?*<sup>8</sup>

Певучесть есть в морских волнах,  
Гармония в стихийных спорах,  
И стройный мусикийский шорох  
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,  
Созвучье полное в природе, –  
Лишь в нашей призрачной свободе  
Разлад мы с нею создаем.

Откуда, как разлад возник?  
И отчего же в общем хоре  
Душа не то поет, что море,  
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд  
Все безответен и поныне  
Глас вопиющего в пустыне,  
Души отчаянной протест?

17 мая 1865

Это стихотворение Сегал называет «“единым корнем” ... двух мандельштамовских текстов,

“внежизненную правду”, существующее за пределами человеческого бытия, непостижимое и т.д. В данном случае оговорка автора письма, отмежевывающая его взгляды от учения Минского, обусловлена ощущением, что адресат письма может усмотреть наличие связи.

<sup>6</sup> Судя по всему, это замечание в письме школьному учителю не случайно, ведь в тенишевских стихах Мандельштама есть подтексты из поэзии Минского, как показал Л. Кацис, см. [5, с. 664–669].

<sup>7</sup> Это письмо датировано 14 (27) апреля 1908 г. См. [1, с. 203–205].

<sup>8</sup> Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках? (лат.)

<sup>3</sup> Приведем некоторые релевантные строки: “Может мне всего дороже / Тонкий крест и тайный путь” (1910); “Или, свой путь и срок, / Я, исчерпав, вернусь...” (1912); “И глагольных окончаний колокол / Мне вдали указывает путь” (1912). Подчеркнем, что мы говорим об одном и том же образе (путь = жизнь), а не о контексте, в том числе и идеологическом, в который он вписан в разных произведениях и в разные периоды. Сюда же относится и “Кремнистый путь из старой песни” из “Трифельной оды” (1823). Омри Ронен убедительно показывает связь между “кремнистым путем” и “рекой времен” Державина, которые суть два образа одного и того же понятия, см. [4, с. 61, 74–76].

<sup>4</sup> Слово “плащ” встречается в стихах еще только три раза, но все контексты созвучны данному. Два раза это слово встречается в стихотворении “Пилигрим” (1909), которое приводит в связи с разбираемым текстом М.Л. Гаспаров в своем комментарии: “Слишком легким плащом одетый”, “Плащ холодный – пускай скитальцы / Безотчетно сжимают пальцы”. Все совпадает в двух контекстах: “путешественник” откликается “скитальцем, пилигримом”, “не согревающий плащ” – “слишком легким, холодным плащом”. Но еще более значимым оказывается контекст из стихотворения “Веницейская жизнь” (1920), где говорится о похоронах: “Тонкий воздух кожи, синие прожилки, / Белый снег, зеленая парча. / Всех кладут на кипарисные носилки, / Сонных, теплых вынимают из плаща. // И горят, горят в корзинах свечи, / Словно голубь залетел в ковчег. / На театре и на праздном вече / Умирает человек.

<sup>5</sup> **Мэонизм**, **меонизм** (греч. μή ὄν “не сущее”) – философско-мистическое учение “старшего символиста” Н.М. Минского, провозглашающее главным для человека небытие,

“проросших” в разные стороны» [3, с. 43] – “Есть целомудренные чары...” (1909) и “В смиренномудрых высотах...” (1909). Вот они:

Есть целомудренные чары –  
Высокий лад, глубокий мир,  
Далеко от эфирных лир  
Мной установленные лары.

У тщательно обмытых ниш  
В часы внимательных закатов  
Я слушаю моих пенатов  
Всегда восторженную тишь.

Какой игрушечный удел,  
Какие робкие законы  
Приказывает торс точеный  
И холод этих хрупких тел!

Иных богов не надо славить:  
Они как равные с тобой,  
И, осторожную рукой,  
Позволено их переставить.

1909

В смиренномудрых высотах  
Зажглись осенние Плеяды.  
И нету никакой отрады,  
И нету горечи в мирах.

Во всем однообразный смысл  
И совершенная свобода:  
Не воплощает ли природа  
Гармонию высоких чисел?

Но выпал снег – и нагота  
Деревьев траурною стала;  
Напрасно вечером зияла  
Небес златая пустота;

И – белый, черный, золотой –  
Печальнейшее из созвучий –  
Отозвалось неминуей  
И окончательной зимой.

«Не позднее 12 ноября» 1909

Сегал утверждает, что в этих стихотворениях Мандельштам противопоставляет горный мир миру дольному, в котором для него царит не лад, как у Тютчева, а разлад. Лад, гармония есть в “горнем мире звезд, небесной гармонии и музыки сфер”, “мире, столь характерном для космологических размышлений неоплатонической философии”, “мире, в котором обитают до своего рождения души и куда они возвращаются, и в котором звезды представляют собой ипостась душ и наоборот, души летают от звезды к звезде”. Д. Сегал продолжает: «Если в стихотворении “Есть целомудренные чары...” гармония горного мира – это нечто благодатное в своем абсолютном совершенстве..., то в стихотворении “В смиренномудрых высотах...” эта гармония воспринимается уже как нечто, скорее, безразличное, а поэтому, может

быть, враждебное дольному миру... В этом, разумеется, Мандельштам – антагонист Тютчева»<sup>9</sup>.

Именно в контекст этих рассуждений Сегала вписано рассматриваемое стихотворение. Сегал замечает, что если в конце стихотворения “В смиренномудрых высотах...” сквозит нота безнадежности, то Мандельштам пишет и другое стихотворение, говорящее о противоположном отношении к миру, к звездам – “Ты улыбаешься кому...”. Здесь “горный мир, звезды повелевают миром дольным, который *смирненно* подчиняется непостижимой мудрости звезд” [3, с. 45–46]. Отсюда тема благословения этого мира, которую Сегал усматривает в данном стихотворении. Эту тему он возводит к мотивам из поэмы А.К. Толстого “Иоанн Дамаскин”, отождествляя *путешественника веселого* и Иоанна. Ключом к этому контексту для него является именно глагол “благословляешь”, действительно необычный для ранних стихов Мандельштама<sup>10</sup>. Сегал приводит релевантный, на его взгляд, отрывок из второй главы поэмы:

**Благословляю** вас, леса,  
**Долины**, нивы, горы, воды!  
Благословляю я свободу  
И голубые небеса!  
И посох мой благословляю,  
И эту бедную суму,  
И степь от края и до края,  
И солнца свет, и ночи тьму,  
И одинокую тропинку,  
По коей, нищий, я иду,  
И в поле каждую тропинку,  
И в небе каждую **звезду!**

О, если б мог всю жизнь смешать я,  
Всю душу вместе с вами слить!  
О, если б мог в свои объятья,  
Я вас, враги, друзья и братья,  
И всю природу заключить!<sup>11</sup>

<sup>9</sup> См. [3, с. 43]. В контексте этих рассуждений образы и идеи Мандельштама связываются с философией Плотина, см. [3, с. 46], однако, возможно, что это, говоря словами Горацио из “Гамлета”, значило бы “смотреть на вещи слишком предвзято”.

<sup>10</sup> Глагол этот появляется в стихах более поздних, причем в связке, так сказать, с историко-патриотической темой, и в другом словоупотреблении: просить или получать благословение, а не благословлять: “Россия, ты – на камне и на крови – / Участвовать в твоей железной каре / Хоть тяжестью меня **благослови!**” (1913), где отзвуком откликается совсем раннее стихотворение “Сайма” (1908): “Песнь железа и камня о скорбном порыве Титана”; “Не три звезды горели, а три встречи – / Одну из них сам Бог **благословил**, / Четвертой не бывать, а Рим далече, / И никогда он Рима не любил” (1916); “**Благослови** тебя в далекий ад сойдет / Стопами легкими Россия” (1917).

<sup>11</sup> Позднее, в разборе сонета “Пешеход” (1912) Сегал пишет: «Воспоминание о старинном пешеходе сразу актуализует весь мотив *пути, странствия* в контексте Иоанна Дамас-

Действительно, в этом гимне природе и миру много лексических совпадений со стихотворением Мандельштама. Помимо глагола “благословлять” это и “долина”, и “звезда”, однако по тональности этот отрывок кажется совсем не созвучным поэту, который в 1911 году написал: “Я участвую в сумрачной жизни, где один к одному одинок”. Да и к тому же вместо торжественного заявления “Благословляю!” у Мандельштама сомнение и вопрос “Благословляешь почему?”, а это, как говорится, две больших разницы. Взаимоотношения между текстом и подтекстом снова, как и в случае с Тютчевым, – это полемика, а не гармония и созвучие.

Если я не ошибаюсь, интерпретация, предложенная Д. Сегалом, существенно или даже радикально отличается от той, что была предложена выше. Обе интерпретации стоят на различном понимании того, что имеется в виду под “долами” и “зеленеющими долинами” – этот мир или мир горный, мир будущий. Дело читателя судить, какая из двух версий точнее.

В каком-то смысле второй возможный подтекст из поэмы “Иоанн Дамаскин”, который приводит Д. Сегал, подкрепляет, скорее, нашу интерпретацию. Строки семь и восемь: “И **рокотаньем соловьиным** / Никто тебя не **позовет**” могут быть откликом на строки из концовки поэмы: “Не **соловьи**, в стране привольной, / **Зовут** соседних **соловьев**”.<sup>12</sup> Опять вместо “зовут” у А.К. Толстого “никто не позовет” у Мандельштама.

Та же интонация и в стихотворении Мандельштама “Пилигрим” (1909?), которое М.Л. Гаспаров сопоставляет с рассматриваемым текстом:

Слишком легким плащом одетый  
Повторяю свои обеты.

Ветер треплет края одежды –  
Не оставить ли нам надежды?

Плащ холодный – пускай скитальцы –  
Безотчетно сжимают пальцы.

Ветер веет неутомимо,  
Веет вечно и вечно мимо.

Снова вопрос “Не оставить ли нам надежды?” относительно того, что ждет нас за гранью. Собственно, то же настроение и в сонете “Пешеход”

кина, о котором речь шла выше в связи со стихотворением “Ты улыбаешься кому, / О, путешественник веселый!”. Там речь шла о *благословении пути, о благословении природы...*» [3, с. 115].

<sup>12</sup> “Рокот соловьиный” встречается у Мандельштама еще только один раз, в переводе стихотворения Огюста Барбье “Ирландские холмы” (1924): “А там медовый дух, там **рокот соловьиный**, / Там камни мшистые, тропинки и ручьи”.

(1912), который Сегал считает близким по смыслу и теме к “Ты улыбаешься кому”. Сонет начинается словами:

Я чувствую непобедимый страх  
В присутствии таинственных высот,  
Я ласточкой доволен в небесах,  
И **колокольни** я люблю полет!

А завершается:

...И вся моя душа – в **колоколах**,<sup>13</sup>  
Но музыка от бездны не спасет!

Мандельштам в своих ранних стихотворениях вполне последователен в своей позиции. Оптимистические, жизнеутверждающие нотки, которые видит в рассматриваемом стихотворении Сегал, мягко говоря, почти не заметны. Они появляются не тогда, когда поэт думает о грядущей судьбе, а когда говорит об искусстве, в котором ощущает себя творцом “в сознании минутной силы, / в забвении печальной смерти”<sup>14</sup>.

Остается, однако, еще вопрос о других возможных подтекстах стихотворения Мандельштама, ведь, начиная с самых ранних стихотворений, он редко строит поэтический мир своего произведения на одном образе или на одном авторе [6, с. 42–52.]. Е. Тоддес в статье 1994 года [7, с. 283–292] обратил внимание на поэзию Ф. Сологуба как на источник подтекстов данного стихотворения, прежде всего на стихотворение:

Путь мой трудный, путь мой длинный.  
Я один в стране пустынной,  
Но улады есть в пути,  
Улыбаюсь, забавляюсь,  
Сам собою вдохновляюсь,  
И не скучно мне идти.

Широки мои поляны,  
И белы мои туманы,  
И светла луна моя,  
И поёт мне ветер вольный  
Речью буйной, безглагольной  
Про блаженство бытия.

**Я воскресенья не хочу,  
И мне совсем не надо рая, –  
Не опечалюсь, умирая,  
И никуда я не взлечу.**

**Я погашу мои светила,  
Я затворю уста мои,  
И в несказанном бытии  
Навек забуду все, что было.**

1896

<sup>13</sup> Обратим внимание, что музыка здесь церковная – звон колоколов.

<sup>14</sup> Тема эта очень важна для ранней поэзии Мандельштама, но мы не будем ее здесь подробно рассматривать, ибо в этом стихотворении она отсутствует.

Выделенные Тоддесом строки очень близки к строкам Мандельштама: “Никто тебя не позовет, ... К повелевающим светилам / Смиранным возлетишь лучом” – и по лексике и по образам. Однако взаимоотношение между двумя текстами довольно сложное, это одновременно и согласие, и полемика. Хотя в стихотворении очень много именно от Сологуба, в любом случае этот подтекст подкрепляет нашу интерпретацию, предложенную выше.

О. Лекманов в статье об уже упомянутом выше сонете Мандельштама “Пешеход” с посвящением М.Л. Лозинскому [8, с. 24–26] ссылается на работу Д. Сегала [9], в которой автор выдвинул предположение, что сонет содержит в себе элементы полемики со стихотворением Лозинского “Путник”:<sup>15</sup>

Иду землей, не зная цели,  
Куда мечта ни поведет,  
И вдоль дорог мои недели  
Плетут свой пестрый хоровод.  
  
Я с ветром – ветер, зверь – со зверем,  
Мне стелет солнце свой ковер,  
Мне свой былинный строит ветер  
Высокой ночи кругозор.  
  
А в широте полей уснувших,  
В предсмертно-пышных вечерах –  
Как знойна память о мелькнувших,  
О неисчерпанных пирах!  
  
В плывущих струях, в вечной смене  
Я гордость сердца расточил,  
Чтоб быть лишь отзвуком мгновений,  
Лишь эхом бестелесных сил.  
  
И, все прозрачней, все чудесней  
Их отдаваясь волшебству,  
Вдруг услышать, как в дальней песне,  
Что это – я, что я – живу!

1908

Лекманов пишет: «Заимствуя из словаря символистов ключевые, традиционно положительно окрашенные понятия (“высоты”, “вечность”, “музыка”), Мандельштам нагружает их негативной семантикой: таинственным высотам сопутствует “непобедимый страх...”, вечность “бьет на каменных часах”, что также является отрицательной характеристикой... А финальная строка “Пешехода” воспринимается как прямое предостережение: символистская *музыка* чревата символистской *бездной*». Далее Лекманов указывает, что Лозинский откликнулся стихотворением 1913 года, “восстанавливающим в правах”

развенчанные Мандельштамом символы (курсив О. Лекманова):

Есть в мире *музыка* безветренных *высот*,  
Есть лютня вещая над сумраком унылым.  
Тот опален судьбой, кого настиг черед,  
Когда она гудит и ропщет в вихре дивном.

Не ветхим воздухом тревожима она,  
Не духом *вечности*, несущимся в просторе.  
Доверься тишине, она одна звучна,  
Мечтатель, человек, уставший слушать море!<sup>16</sup>

Высказывалось мнение, что стихотворение Лозинского “Путник” можно считать также подтекстом и стихотворения “Ты улыбаешься кому...”, однако простое сопоставление текстов показывает, что такое предположение маловероятно. Все-таки “Пешеход” и “Ты улыбаешься кому...” – это разные стихотворения и разное время.

Однако упоминание Михаила Леонидовича в связи с данным стихотворением заставляет обратить внимание на текст, который связан с именами как Лозинского, так и Мандельштама, на “Божественную комедию” Данте. Во всяком случае, можно предположить, что именно там – одна из отправных точек для образа плаща как телесной оболочки. Приведем соответствующий контекст (Рай, песнь шестнадцатая, 7–10 – в переводе Лозинского):

Однако **плащ** твой быстро укорочен;  
И если, день за днем, не добавлять,  
Он ножницами времени подточен!<sup>17</sup>

Однако есть еще одно направление поиска подтекстов в смысловой ткани произведения, насколько нам известно, никем еще не упомянутое. Вспомним, что это стихотворение, вероятно, не-

<sup>16</sup> По поводу этого стихотворения Лекманов пишет: «Отвечая Мандельштаму, Лозинский как бы напоминает младшему поэту о его собственном “символистском” прошлом» и сопоставляет эту строку со стихотворением Мандельштама “Звук, осторожный и глухой...”. Однако это стихотворение, датированное автором 1908 годом, было опубликовано лишь в 1916 году в составе второго “Камня” и до этого известно широкой публике не было.

<sup>17</sup> Разумеется, мы не утверждаем, что Мандельштам мог читать Данте в переводе Лозинского, который был сделан несколько десятилетий спустя, или в оригинале, поскольку итальянский язык поэт начал учить примерно тогда же. Однако плащ есть в итальянском оригинале и практически во всех переводах на разные языки. Приведем в качестве иллюстрации терцину в оригинале и в переводе Лонгфелло на английский язык:

*Ben se 'tu manto che tosto raccorce:  
sì che, se non s'appon di di in die,  
lo tempo va dintorno con le force.*

Truly thou art a **cloak** that quickly shortens,  
So that unless we piece thee day by day  
Time goeth round about thee with his shears!

<sup>15</sup> Интересно, что в объемной монографии 1998 года Сегал, разбирая стихотворение “Пешеход”, вовсе не упоминает Лозинского и полемику с ним.

задолго до того сочиненное, приложено к письму Вячеславу Иванову, где содержится разбор его книги “По звездам” (1909) [10] сразу после ее прочтения, так сказать, по свежим следам. Книга явно произвела сильное, хотя и неоднозначное, впечатление на Мандельштама, а как мы помним, сильные впечатления, будь то музыка, книга или картина или какое-то событие, как, например, похороны Гершуни в Париже, см. [6], часто рождали отзвуки в стихах молодого поэта. Поищем какие-нибудь переклички между книгой Вяч. Иванова и разбираемым стихотворением.

Одной из таких перекличек, которую можно считать своего рода упоминательной клавишей, оказывается необычное для поэта слово “путешественник”<sup>18</sup>. Так вот оказывается, что в очень важном для книги очерке “О Шиллере” приводится его стихотворение “Путешественник” (в переводе В.А. Жуковского):

### Путешественник

Дней моих ещё весною  
Отчий дом покинул я;  
Всё забыто было мною –  
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,  
С детской в сердце простотой,  
Я пошёл путём-дорогой –  
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье  
Путь казался недалёк.  
“Странник, – слышалось, – терпенье!  
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;  
Ты в святилище войдёшь;  
Там в нетленности небесной  
Всё земное обретёшь”.

Утро вечером сменялось,  
Вечер утру уступал;  
Неизвестное скрывалось;  
Я искал – не обретал.

Там встречались мне пучины;  
Здесь высоких гор хребты;  
Я взбирался на стремнины;  
Чрез потоки стал мосты.

Вдруг река передо мною –  
Вод склоненье на восток;  
Вижу зыблемый струёю  
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;  
Предаю себя волнам,  
Счастье вижу в отдаленье;  
Всё, что мило, – мнится там!

Ах! В безвестном океане  
Очутился мой челнок;  
Даль по-прежнему в тумане,  
Брег невидим и далёк.

И вовеки надо мною  
Не сольётся, как поднесь,  
Небо светлое с землею...  
Там не будет вечно здесь.

Стихотворение это по своей тональности кажется гораздо более созвучным поэзии раннего Мандельштама, чем мажорно-ликующий тон отрывка из поэмы А.К. Толстого. Оно ближе к упомянутым стихотворениям Сологуба. Кроме того, само стихотворение Мандельштама выглядит как прямой ответ на слова из этого стихотворения:

И в надежде, в уверенье  
Путь казался недалёк.  
“Странник, – слышалось, – терпенье!  
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;  
Ты в святилище войдёшь;  
Там в нетленности небесной  
Всё земное обретёшь”.

Вместе с тем это и парафраз других слов Шиллера в переводе того же Жуковского, которые также цитируются в очерке:

Верь тому, что сердце скажет!  
Нет залогов от небес...

Между этими словами и стихотворением “Путешественник” слова самого Вячеслава Иванова: «Так в безмолвии мистерий раздавались некогда сумрачные откровения, вселявшие в дух испытуемых ужас и скорбь, и разочарование, – чтобы ярче блеснул им потом луч нечаянной, чистой надежды. Стихотворение “Путешественник” – своего рода “Pilgrim's Progress”».

Внимательное прочтение книги “По звездам” позволяет найти еще один возможный источник (кроме поэмы “Иоанн Дамаскин”) редкого для поэта образа – “рокотанья соловьиного”. В очерке «О “Цыганах” Пушкина» Вячеслав Иванов пишет: «...вся эта живопись звуков, смутно и бессознательно почувствованная уже современниками Пушкина, могущественно способствовала установлению их мнения об особенной, магической напевности нового творения, изумившей даже тех, которые еще так недавно были упоены соловьиными трелями и фонтанными лепетами

<sup>18</sup> Это слово встречается в поэзии Мандельштама два раза. Второй раз оно появляется в шуточных “Моргулетах”: “Моргулис – он из Наркомпроса. / Он не турист и не естественник, / К истокам Тигра и Эфроса / Он знаменитый путешественник” (начало 1930-х гг.), не имеющих никакого отношения к разбираемому стихотворению.

и всею влажною музыкой песни о садах Бахчисарая» [10, с. 148]<sup>19</sup>.

Возможно, есть и еще одна перекличка между стихотворением Мандельштама и книгой “По звездам”. Как известно, книга посвящена памяти жены Вячеслава Иванова – Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, чья скоропостижная смерть в 1907 году стала для него большим ударом. В словах, обращенных к ней в начале книги, сказано: “Если эти гадания двоих по тем же звездам (ибо вместе гадали мы по ним о путях духа до ночи, когда бессмертные Пламенники призвали Тебя от темной земли) единой душе помогут расслышать ее внутреннее Слово и с сочувствием вспомнит читающий о том, кто написал вспыхнувшие в нем строки, да будет не мне тот дар и та награда, но имени раскрывшей во мне мое не рожденное Слово”.

Скорее всего, бессознательно, думая о Шиллере и о Пушкине, Мандельштам фактически отпарировал слова посвящения, где сказано: “...когда бессмертные Пламенники призвали Тебя от темной земли”. Поэт ответил на это: “Никто тебя не позовет”. Кто-кто, а Вячеслав Иванов не мог этого не заметить, и, возможно, именно это

многое определило в переписке Мандельштама и его старшего коллеги и учителя, которая закончилась, так и не начавшись.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осип Мандельштам*. Камень. Изд. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. Л., 1990.
2. *Осип Мандельштам*. Стихотворения. Проза (Библиотека поэта). Составление, вступ. статья и комментарии М.Л. Гаспарова. М., 2001.
3. *Сегал Д.* Осип Мандельштам. История и поэтика. Ч. 1. Кн. 1. *Slavica Hierosolymitana*. Vol. VIII. Jerusalem – Berkeley, 1998.
4. *Ronen O.* An Approach to Mandel'shtam. Jerusalem.
5. *Кацис Л.* К поэтике О. Мандельштама “тенишевского” периода: “Тянется лесом дороженька пыльная...” // Сохрани мою речь. Вып. 5/2. М., 2011. С. 664–669.
6. *Фролов Д.В.* Заметки о ранних стихах Мандельштама (1906–1908) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 55. 1996. № 4. С. 42–52.
7. *Тоддес Е.А.* Заметки о ранней поэзии Мандельштама. – Темы и вариации: сб. к 50-летию Л. Флейшмана, Стэнфорд, 1994, с. 283–292.
8. *Лекманов О.А.* К истории одного посвящения. О сонете “Пешеход” // *Лекманов О.А.* Опыты о Мандельштаме. Ученые записки Московского культурологического лицея № 1310. Вып. 1. М., 1997, с. 24–26.
9. *Сегал Д.* Поэзия Михаила Лозинского: Символизм и акмеизм // *Rus. Lit.* 1983. Vol. XIII. № 4.
10. *Вячеслав Иванов*. По звездам. Статьи и афоризмы. Изд. Оры, С. Петербург, 1909.

<sup>19</sup> Вячеслав Иванов довольно точно характеризует некоторые особенности стилистики “Бахчисарайского фонтана”, ср.:

Одни фонтаны сладкозвучны  
Из мраморной темницы бьют,  
И, с милой розой неразлучны,  
Во мраке соловьи поют...